

Мо Чанкун с силой ударил его в живот.

Ученик не ожидал удара и отлетел, ударившись о скалу. Он сломал несколько ребер, повредил внутренние органы и выплюнул несколько глотков крови.

Он стоял на коленях, корчась от боли и не в состоянии говорить.

Мо Чанкун, окутанный смертоносной аурой, подошел к нему, снова поднял и мрачно сказал:

- Будь осторожен, если я еще раз услышу что-то подобное, я вырву тебе зубы один за другим.

Ученик побледнел от страха и начал умолять о пощаде.

Глава дворца Чиянь заметил переполох и поспешил подойти. Разняв их, он спросил:

- Что здесь происходит?

Все отчаянно замотали головами, давая понять, что ничего не знают.

На горе Чисяо нравы были свободными, здесь не придавали большого значения добродетели, считая брак между мужчинами и женщинами чем-то естественным и правильным, и не видели ничего плохого в обсуждении подобных тем. Они шутили о своей старшей мисс, хваля Юньчжэнь-сяньцзюня как достойного мужчину, который нравится женщинам и подходит для брака. Даже если их слова были немного неуместными, это было дело дворца Чиянь, а не Пика Уцзянь.

Нельзя же было сказать, что люди дворца Чиянь придумывают глупости и что Линлун-сяньцзы и его шизун не подходят друг другу. К тому же оба не имели таких намерений, и раздувание этого могло привести только к неловкости. Шизун когда-то завидовал своим друзьям, у которых были даосские спутники, но стеснялся выражать это публично. Все думали, что он не заинтересован в этом. Если все это выйдет наружу, и дворец Чиянь действительно задумает сватовство, то через несколько лет...

Мо Чанкун с мрачным выражением лица развернулся и ушел.

Теперь он понял, что его беспокоило: шизун принадлежал ему. Он с детства ненавидел, когда кто-то был близок к шизуну, будь то мужчина или женщина, даосский спутник или друг...

Эта церемония жертвоприношения была слишком торжественной, она создавала ложное впечатление. Хотя это было притворством, оно заставило его осознать реальную угрозу. А что, если однажды это станет реальностью?

Мо Чанкун представил себе будущее, в котором шизун приведет к нему незнакомую женщину и радостно объявит, что это его даосская спутница.

Шизун всегда был серьезен в отношениях и никогда не говорил, что останется один.

Мо Чанкун не мог придумать причин, чтобы возразить.

Это неизбежно произойдет... словно петля, которая в любой момент могла затянуться на его шее. Отчаяние, страх, тревога, невозможность избежать этого, он мог лишь наблюдать, как шизун будет отдавать всю свою нежность кому-то другому, живя счастливой жизнью.

Он убьет даосского спутника шизуна.

Нельзя...

Шизун учил его, что бессмысленные убийства неправильны, нельзя об этом думать... Но можно ли считать человека, который отнимает у него шизуна, невиновным? Это неправильно? Шизун никогда об этом не говорил, и Мо Чанкун был не уверен...

Глаза Мо Чанкуна налились кровью, он яростно кусал свои ногти до крови. Он использовал острую боль, чтобы подавить злобу в своем сердце, пытаясь сосредоточить внимание на убийстве Пожирателя душ.

Глава дворца Чиянь знал, что Мо Чанкун имеет непростой характер и сложно идет на контакт. Он многократно расспрашивал других, пытаясь понять, что именно сказал его ученик, чтобы так оскорбить этого мастера, но безуспешно.

Великая битва была на пороге. Дворец Чиянь нуждался в помощи Пика Уцзянь, поэтому они решили не раздувать этот инцидент и признали свое невезение, отправив раненного ученика на лечение.

Остальные засели в засаде и прождали больше получаса.

Из глубин пещеры донесся грохот падающих камней, и поднялся сигнал в виде красного дыма, означавший, что Юньчжэнь-сяньцзюнь сумел выманить Пожирателя душ.

Мо Чанкун без колебаний бросился вперед.

Юньчжэнь-сяньцзюнь стоял у входа в пещеру, держа в руке длинный меч, и защищал девушку за своей спиной. На его плече зияла рана, кровь пропитывала алую одежду, и невозможно было различить, где одна, а где другая.

Пожиратель душ был сильно ранен: его живот был пронзен мечом, длинные клыки сломаны, на его конечностях зияли глубокие раны, кровь заливала черно-белую шерсть. Его глаза, налитые кровью, были полны ненависти, он умирал в агонии, издавая пронзительные крики.

Этот монстр был чрезвычайно хитрым, умел маскироваться и атаковал души. В темноте трудно найти его истинное тело. Почти все расставленные ловушки были им раскрыты.

Юньчжэнь-сяньцзюнь притворился слабым смертным, сняв все защитные амулеты, и специально пытался убежать, позволяя монстру укусить его. Только когда Пожиратель душ собрался проглотить его, Юньчжэнь-сяньцзюнь смог точно определить его местоположение и нанести сокрушительный удар.

Атака монстра была очень близка к его шее. Это была смелая и опасная игра. Любая малейшая ошибка или промедление могли стоить жизни.

Все вокруг были в восторге от его храбрости и мастерства. Видя, что Пожиратель душ еще жив, они бросились вперед, окружили его и начали рубить мечами и топорами, окончательно уничтожая демона, который унес множество жизней.

Пожиратель душ издал последний пронзительный вопль.

Мо Чанкун с холодным лицом подошел, достал лекарство и начал перевязывать раны своего шизуна, недовольно сказав:

- Ты не говорил мне о своем плане. Это было слишком рискованно.

- Я боялся, что ты будешь волноваться, - Юньчжэнь-сяньцзюнь был серьезно ранен, он медленно сел, расслабляя напряженные нервы, и спокойно сказал, - Не беспокойся, я все рассчитал, не будет никаких проблем, ах! Ой! Остановись, больно...

Мо Чанкун выбрал самое эффективное средство с раздражающим компонентом и сильно втер его в рану шизуна, затем «неуклюже» перевязал ее тканью и тихо спросил:

- Шизун, правда больно?

Юньчжэнь-сяньцзюнь скрипел зубами от боли, но вокруг него были люди, восхваляющие его, а рядом стояла девочка с лицом, полным восторга. Даже если ему было очень больно, мужчина должен сохранять лицо. Он мужественно улыбнулся и сказал:

- Нет, не больно, шучу, такая мелочь...

Он тайком протянул руку и отчаянно дергал за подол одежды ученика, давая понять, что

нужно быть помягче.

Мо Чанкун заметил его маленькие движения, его гнев немного утих, и он стал работать аккуратнее.

Люди из дворца Чиянь с помощью инструмента, исследующего духовное море, нашли способ нейтрализовать яд. Они также достали внутреннее ядро Пожирателя душ и передали его Юньчжэнь-сяньцзюню. Другие части тела, такие как шкура и мясо, стоили немного, но глава дворца сказал, что он вернется, чтобы приготовить из них пилюли, и, когда будет готово, подарит их другу.

Госпожа Минчжу, держа за руку свою невредимую дочь, плакала и смеялась одновременно. Она была так благодарна, что не знала, что сказать, и ругала своего мужа за мелочность, приказывая ему щедро дарить подарки, чтобы выразить благодарность.

Глава дворца был раскритикован в пух и прах и жалобно сказал:

- Я не говорил, что не буду дарить подарки, я просто хотел обсудить это с тобой...

- Уничтожение злого монстра - это долг мечника, не нужно беспокоиться о вознаграждении, - Юньчжэнь-сяньцзюнь не придавал значения награде. Он сунул ядро тысячелетнего демона Мо Чанкуну и с улыбкой сказал, - Я здесь, чтобы откопать Нефрит Ли Хуо.

- Да что это за ценность? - госпожа Минчжу решительно заявила, - Сяньцзюнь, ты хочешь сделать талисманы? Я выберу для тебя лучшие материалы, дам тебе триста цзиней! И еще десять кусков Нефрита Ли Хуо! И лично помогу сделать волшебное оружие!

Госпожа Минчжу была известным мастером алхимии. Ее артефакты были редкостью. Юньчжэнь-сяньцзюнь обрадовался и поблагодарил ее за щедрость. Они обсудили форму и функции магического оружия.

Мо Чанкун, закончив перевязку, бездельничал, оглядываясь вокруг. Вдруг он заметил в темном углу наверху стены пещеры красивое женское лицо, промелькнувшее на мгновение.

Не было никакого запаха демона.

Но он ощутил сильную опасность.

Десятки прозрачных паутинных нитей появились незаметно. Словно обладая собственной жизнью, они ползли к людям.

- Осторожно! - Мо Чанкун вызвал черный меч в ладони и рубанул паутину.

Паутина была прочной и гибкой, она не рвалась, но обвила меч, и ядовитый газ, как змея, быстро начал распространяться по шелковой нити, разрушая окружающую растительность и живые существа.

Мо Чанкун схватил ядовитую паутину и резко потянул. Монстр в пещере был застигнут врасплох и предстал перед ними. Это был призрачный паук, на огромном теле которого росла женская голова, выглядевшая отвратительно и жутко. Он обычно прятался в глубине пещеры и никогда не показывался, используя свою паутину и яд, чтобы создавать иллюзии, помогая Пожирателю душ убивать.

Никто не знал, что в пещере пряталось два монстра, а не один... Пожиратель душ перед смертью поручил ему отомстить. Паука переполняла ненависть, и он хотел воспользоваться моментом, когда все расслабились, чтобы убить отравой всех культиваторов. Если бы это не удалось, он бы спрятался обратно в пещеру, но, к несчастью для него, он встретился с Мо Чанкуном, который не боялся никаких ядов. Первоначальное убийственное оружие паука стало его собственной ловушкой.

Призрачный паук был вытащен наружу живьем. Он не обладал большой боевой способностью, его яд и паутина были полностью поглощены телом Мо Чанкуна. Вскоре паук оказался окружен, его силы иссякли, он был на грани смерти.

Мо Чанкун вырвал его демоническое ядро. Призрачный паук вдруг открыл глаза и зловеще усмехнулся, его женское лицо было полным ненависти, а из огромного живота раздался странный гул. Внутреннее ядро в руке Мо Чанкуна внезапно рассыпалось на тысячи черных нитей, пропитанных проклятиями и злобой, опутывая его тело.

Сердце забило быстрее, все эмоции усилились. Его движения стали медленными и заторможенными.

- Чанкун, брось ядро! Отойди! — Юньчжэнь-сяньцзюнь почувствовал неладное и громко закричал, - Он собирается взорваться и убить тебя вместе с собой!

Эти редкие монстры обладали необычными способностями. В то время Мо Чанкун был молод, следовал за своим шизуном, обучаясь повсюду, но его боевой опыт был недостаточным, и силы далеко не такими, как в будущем. Убежать было уже поздно.

Тело призрачного паука взорвалось. Юньчжэнь-сяньцзюнь применил все свои силы, создав защитный барьер, чтобы уменьшить радиус взрыва и заблокировать большую часть его мощности.

Мо Чанкун защитил жизненно важные органы и чудом избежал смерти, но все равно получил серьезные ранения. Взрыв оставил на земле впадину, которая треснула, и обрушившиеся камни обнажили подземное озеро, голубое и прозрачное, неизвестно, насколько глубокое...

Он не мог выбраться и упал в воду.

Меч в воде неизбежно тонет...

Мо Чанкун ненавидел воду. Он выучил множество навыков, но не умел плавать. Он не знал, как бороться и как дышать...

Он медленно погружался на дно озера. Вода заполнила легкие, кровь из ран вытекала, и тень одиночества окутывала весь мир, утаскивая его в царство отчаяния, превращая его снова в меч.

Он изо всех сил открыл глаза. На поверхности воды была недостижимая светлая точка. Он пытался схватиться за нее, но безуспешно.

Вдруг перед ним появилась огненная фигура. Это... был шизун? Золотая корона давно исчезла, многослойный халат из красного шелка, как хвост русалки, распахнулся в воде, обнажив белую кожу. Он напоминал прекрасную морскую русалку, отчаянно плывущую к нему.

Мо Чанкун не мог дышать, его сознание начало затуманиваться, зрение исчезало, он ничего не мог разглядеть. В каком-то полусне, он почувствовал, что кто-то схватил его за руку. Он инстинктивно попытался вырваться, но его крепко обняли.

Его губ коснулся теплый поцелуй, передавая ему маленький талисман для подводного дыхания. Он принес свежий воздух, который наполнил его легкие и вернул сознание, вытащив его из преддверия смерти.

Мо Чанкун снова открыл глаза. Он увидел своего шизуна... Юньчжэнь-сяньцзюнь, увидев, что его ученик очнулся, с облегчением вздохнул и, крепко держась за его руку, дал знак обнять его за талию и не отпускать. Затем он изо всех сил поплыл вверх.

Мо Чанкун впервые заметил, что талия его шизуна была тонкой и мягкой, крепкой, идеально подходящей для объятий...

Это странное чувство. Ему очень понравилось...

Шизун, казалось, понял его непристойные мысли, повернулся и снова поцеловал его в губы, издавая мягкий, неясный звук.

Мо Чанкун напрягся, боясь пошевелиться. Шизун слегка укусил его в наказание, увидев, что он все еще не понимает, схватил его за подбородок, использовал язык, чтобы открыть его рот, и жадно вбирал в себя его дыхание.

Это чувство... сладкое, счастливое, соблазнительное.

В холодной глубине озера, как будто на облаках.

<http://bllate.org/book/13607/1206727>